

История философии, 48. Юм о религии и этике.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Позвольте мне начать с того, что двумя его главными работами, посвященными религиозным вопросам, являются «Диалоги о естественной религии» и «Естественная история религии». Диалоги, по сути, посвящены естественной теологии, жизнеспособности классических аргументов в пользу существования Бога — онтологических, космологических и телеологических. И всё это представлено в форме диалога с тремя персонажами, которые, конечно же, представляют три разные позиции: одна из них несколько скептическая, другая — своего рода локковская, а третья — своего рода платоновский мистик.

И поэтому возникает очень оживленная дискуссия. Я не хочу вдаваться в детали аргументации. Некоторые комментарии по этому поводу есть у Штумпфа, и вы можете подробнее изучить этот вопрос, если хотите, в Коблестоне .

Думаю, следует отметить, что это полномасштабная критика утверждений естественной теологии, критика аргументов как таковых. Никаких богословских возражений против такого подхода нет. Возражения Дело в том, что эти аргументы не работают.

Посылки логически не приводят к выводам. И, думаю, со времен Юма и до наших дней в философии религии существовало основное направление, которое соглашалось с этим утверждением: аргументы недостаточно полны, убедительны, ясны, чтобы доказать существование первопричины, рационального создателя, высшего блага и так далее. Это, конечно, не означает, что аргументы вообще не имеют никакого веса.

На самом деле, сам Юм в последней части диалогов признает, что да, они имеют значительный вес, и, похоже, он считает, что позиция Клеанфа — та, с которой он больше всего склонен согласиться. Из-за определенного впечатления, и впечатление — это слово в техническом смысле Юма, из-за впечатления, что упорядоченность природы , предсказуемость и так далее, Это на нас влияет. Таким образом, с рациональной, логической точки зрения, хотя дело отнюдь не ясно, не является логически полным, оно не доказано, у нас нет доказательного знания о Боге, как говорил Локк, тем не менее, кажется, что в этом есть нечто, что может вызвать веру.

Диалоги посвящены логике веры. Но естественная история религии занимается психологией веры. И если хотите, вы можете увидеть взаимосвязь между ними, установленную в первом разделе «Исследования о человеческом понимании», где он различает абстрактную философию, с её попытками логических

доказательств, и практическую философию, то есть то, чем люди руководствуются в жизни .

И он намерен представить это через различие между логическими аргументами естественной теологии и психологическими основами веры, которое он развивает в своем труде о естественной истории. И точно так же, как в первом разделе «Исследования», он говорит, что нам действительно необходимо некое сочетание того и другого, так же, кажется, он говорит и в отношении... имеет значение религиозный . Обратите внимание на то, что я сказал о заключении диалогов.

Они разбираются с логикой аргумента, но в конце концов, кажется, он апеллирует к психологии убеждений. Логика помогает прояснить вашу позицию, хотя психологическое принуждение, связанное с убеждениями, исходит не из логики. Оно исходит извне.

Таким образом, естественная история религии сводится к рассмотрению психологических факторов, влияющих на веру. Он придерживается мнения, что монотеизм исторически развился из более раннего политеизма, вера в одного бога развилась из предшествующей веры во многих богов. И это, я думаю, потому, что ему проще объяснить политеизм.

С точки зрения естественного психологического развития. Ведь, в конце концов, у нас, людей, много разных забот, общих для всей нашей жизни. Нам нужно есть.

Нам нужна еда. Нам нужна какая-то безопасность, покой и так далее. Чтобы у нас было разнообразие эмоций, измерений и сфер эмоциональной жизни.

И существуют аспекты нашего опыта в мире природы, которые, следовательно, могут оставлять впечатления, эмоциональные впечатления. Впечатления, которые порождают представление о причине, о существе, которое это совершает. И поэтому возникает множество подобных вопросов, подобных впечатлений, множество богов.

Политеизм — это естественное психологическое развитие. Монотеизм же развивается лишь тогда, когда в дело вступает рациональное, созерцательное мышление. А размышления о множестве богов и тому подобное, кажется, порождают некоторые нерешенные вопросы, возможные проблемы.

Потому что, размышляя, мы осознаём, что в природе есть нечто упорядоченное и единство. Размышляя, мы это осознаём. И поэтому мы начинаем думать, что за этим упорядоченным единством стоит нечто единое.

Знаете, это тот ход мыслей, который прослеживался у досократиков в метафизике. Почему существует одна конечная цель, а не множество? В диалогах же телеологический аргумент, с другой стороны, затрагивает вопрос упорядоченного единства вещей. Ответ, который Юм дает через одного из других персонажей, звучит так: «Но речь идет о нашем представлении о единстве».

Откуда мы знаем, что существует это подлинное единство? Видите ли, это мы объединяем различные простые идеи в сложную идею и получаем единый мир. Но хотя логически вы не можете доказать упорядоченное единство мира, вы просто знаете упорядоченное единство вашей идеи о мире. Сложные идеи не являются первоначальными идеями.

Хотя это и так, с психологической точки зрения, размышления об этом, как правило, отдаляют нас от этого исторического развития и, соответственно, от него. Монотеизм, по его мнению, — это всего лишь рациональная концепция, умозрительное представление. Естественная религия, вытекающая из естественной теологии.

В этом смысле монотеизм не будет влиять на воображение и порождать подобные впечатления и чувства, и, следовательно, монотеизм, скорее всего, уступит место какому-либо виду политеизма. Теперь, как исторически возникает политеизм после монотеизма? Он предполагает, что психологическая составляющая естественным образом приведет к этому. Я думаю, что по сути мы имеем дело скорее с монотеизмом, который теряет свою жизнеспособность, порождая то, что я бы назвал секуляристским политеизмом.

Иными словами, светское общество, у которого есть свои боги. Это бог денег, это бог секса, это бог власти, понимаете. Что-то вроде этого, утрата единого мировоззрения.

Но в истории факт таков: хотя естественная религия не может долго поддерживать жизнь, необходимо какое-то историческое повествование о том едином Боге, действующем в истории. Об этом говорит Юм. И, очевидно, он имеет в виду христианскую историю о Боге, действующем в истории, и о Воплощении.

Таким образом, его точка зрения заключается в том, что религиозная вера порождается событиями, происходящими в историческом опыте человека, и событиями, которые вызывают эмоции, впечатления, порождающие идеи о причинах происходящего. То есть, это психологическое объяснение религиозной веры. В процессе всего этого Юм внес свой вклад в историю мысли, с которой история религии работает последние 200 лет.

А именно, задача состоит в том, чтобы реконструировать теистические аргументы, которые действительно являются обоснованными. Попытка реконструировать теистические аргументы. Обсуждение того, на какого рода Бога указывает естественная теология.

Проблема зла стала гораздо сложнее, чем прежде. Потому что одно из возражений Юма против телеологического аргумента, исходящего из упорядоченной целенаправленности природы, заключается в том, что зло представляет собой дистелеологию, отсутствие порядка или, по крайней мере, отсутствие различимой цели. И поэтому проблема зла стала все более очевидной.

Взаимосвязь разума и эмоций в религии. Очевидно, это важнейший вопрос. И это включает в себя вопрос о доказательной ценности религиозного опыта.

Аргументация, основанная на религиозном опыте. И наконец, вопрос о взаимосвязи религии и морали. Потому что он утверждает, что религия, как правило, отвлекает внимание людей от моральных и социальных проблем.

Моральные последствия религиозных убеждений отнюдь не однородны. Он не говорит, что их нет, но они недостаточно однородны. И подобные вопросы породили попытки моральных аргументов в пользу существования Бога.

Аргументы в пользу морали в отношении существования Бога. Таким образом, вся программа, которую вы изучаете на курсе философии религии, по сути, является программой, вытекающей из диалогов Юма. Суть в том, что многое из этого принималось как само собой разумеющееся и эффективно решалось схоластической традицией.

Лишь постепенно все это вновь осозналось как требующее нового внимания. Новые разработки в философии религии были инициированы Юмом. Но не стоит говорить только о Юме, нужно упомянуть Юма и Канта.

Как мы увидим в ближайшие две-три недели. Потому что к тому времени, как Кант закончит свою критику чистого разума, он тоже даст убедительную критику рациональных доказательств, логических доказательств существования Бога. И он тоже считает, что религиозная вера основана на чем-то ином, чем логические доказательства.

И к тому моменту, когда он заканчивает свои труды по этике, он представляет нам моральный аргумент в пользу существования Бога. И к тому моменту, когда он заканчивает свои труды по эстетике и красоте природы, он представляет нам эстетический аргумент в пользу существования Бога, но не логические доказательства. То, что он делает, — это нечто, далёкое от доказательства.

По сути, он утверждает, что единственный способ объяснить моральные и эстетические явления — это постулат о существовании Бога. Другими словами, для адекватного объяснения морального и эстетического опыта необходимы теизм и теистическое мировоззрение. Но мы увидим это, когда перейдем к Иммануилу Канту.

Позвольте мне сделать паузу и посмотреть, есть ли здесь что-нибудь, что вы хотели бы немного обсудить. Да, Трой. Мне было интересно, когда вы сказали, что монотеизм развивается в политеизм.

Он рассматривал христианство в историческом контексте и утверждал, что оно прошло путь от строгого иудейского монизма до тринитаризма как формы политеизма? Да, и, возможно, развитие иконописи и культа святых. Или это было чисто психологическое исследование? Да, знаете, мне нужно будет перепроверить текст, чтобы убедиться.

Я этого там не помню. Поэтому, если бы я отвечал навскидку, я бы сказал: нет, это просто экстраполяция из его психологического объяснения первоначального возникновения политеизма. Но позвольте мне проверить этот текст и вернуться к вам с ответом.

В любом случае, я хотел перечитать это в понедельник утром по другой причине. Однако позвольте добавить еще кое-что. Когда дело доходит до Гегеля, который, конечно же, не является эмпиристом, как Юм...

Его взгляды кардинально отличаются от взглядов Юма. Гегель видит в истории религии историческую диалектику. Тезис, антитезис, синтез.

Там, где тезисом является политеизм, антитезисом — пантеизм, а синтезом, который является высшей формой истины, является тринитаризм. Да, отчасти это так, но Троица, три в одном, один в трёх. Поэтому вопрос об историческом развитии религии, безусловно, актуален в этот общий период, конец XVIII — начало XIX века, примерно 1800 год.

И, я думаю, Юм в значительной степени способствовал развитию исследований в области истории религии, которая ранее не вызывала интереса. История в целом не была предметом интереса до примерно 1800 года. Это просто часть того, что называют *belle lettre*, хорошей литературой.

Исторический метод как наука начал развиваться примерно в 1800 году. Фактически, сам Юм написал историю Англии, в которой, как говорят, использовались исторические методы, благодаря чему Юма можно назвать одним из первых великих исторических мыслителей. Начало истории как науки.

Ну ладно. А теперь кто-нибудь другой. Дэвид.

Разве нет раздела, в котором говорится, что, хотя мы не можем с уверенностью установить причинно-следственные связи, мы все же можем делать выводы о природе Бога, потому что, рассматривая другие вещи в нашем опыте, мы видим это по аналогии? Да, я думаю, это есть в разделе, который называется «О конкретном провидении». Он посвящен Богу.

Да, и я думаю, что это тот же ход мыслей, что и в диалогах. Теперь, когда он говорит «делать вывод», он не имеет в виду «логически доказывать». На самом деле, ранее, когда он говорил о том, что мы постоянно сталкиваемся с совпадениями и каким-то образом приходим к выводу о наличии необходимой связи.

И он уже сказал, что здесь нет никакого логического шага. Для обозначения этого перехода он использует слово «умозаключить». В данном контексте «умозаключить», по-видимому, означает шаг, который предпринимает разум, и который может быть нелогичным.

Думаю, в случае с особым провидением всё обстоит именно так. Когда вы говорите, что люди после человечества, в философии религии, когда вы говорите, что они занимаются глубокими вопросами, они пытаются установить достоверность в этих аргументах? Это варьируется. Есть те, кто пытается обеспечить доказательную достоверность, как назвал бы это Локк.

В более общем смысле, они апеллируют к вероятности, что относит их к эвиденциалистскому лагерю. Вероятность — это совокупность доказательств. И многое зависит от эпистемологии, которой они руководствуются.

На следующей неделе вы будете читать о Томасе Рейде, шотландском реалисте. Рейд категорически отвергает теорию идей и впечатлений. Он отрицает саму идею репрезентативного знания.

Мы непосредственно осознаём материальные тела. Понимаете? Это значит, что вы не строите аргументацию, исходя из идеи упорядоченной вселенной. Вы строите аргументацию, исходя из упорядоченной вселенной.

Понимаете? И, следовательно, он может быть гораздо более позитивно настроен по отношению к результатам этого. Хотя Рейд и читал лекции по естественной теологии, он не так уж много работал в этой области. Но эта шотландская реалистическая традиция повлияла на многих людей, которые этим занимались.

В XIX веке в Шотландии жил очень влиятельный теолог Роберт Флинт. Его книга «Теизм» широко использовалась даже 50 лет назад. При желании вы можете ознакомиться с ней в библиотеке.

А ещё есть теолог из Принстона, Чарльз Ходж, чья систематическая теология, начиная примерно с 1860-х годов, до сих пор изучается. Философская основа его работы — шотландский реализм. И поэтому, как и следовало ожидать от шотландского реалиста, он гораздо более позитивно относится к теистическим аргументам, чем кто-либо, придерживающийся теории Джона Локка или теории идей Дэвида Юма.

Они считают, что у них есть абсолютная уверенность с самого начала. Поэтому всё зависит от традиции. И я думаю, что именно шотландская реалистическая традиция, представленная, возможно, Чарльзом Ходжем, но и другими, приехавшими в Америку, сформировала американскую евангелическую апологетику, ориентированную на теистические аргументы в пользу существования Бога.

Сейчас существуют и другие виды американской традиции и апологетики. Но они возникли в результате реакции шотландских реалистов на Юма. И некоторые из вас, возможно, знают, что Марк Нолл с исторического факультета проводил всевозможные исторические исследования и публиковал работы о влиянии шотландского реализма на американский евангелизм.

У него множество эссе. Я не уверен, есть ли у него книга на эту тему, но есть отрывки из книг по этой теме. Так что, если вы будете работать с Марком Ноллом, то обязательно что-нибудь из этого узнаете.

Кстати, президент Уитонского колледжа, Дж. Оливер Басвелл, который был президентом, скажем так, в 30-е — начале 40-х годов, был типичным шотландским реалистом. Человеком в духе Чарльза Ходжа. Вполне.

Таким образом, это влияние было довольно очевидно здесь, в Уитонском колледже. На самом деле, когда я учился здесь, я занимался у человека, который был учеником Оливера Басвелла после того, как тот уехал отсюда, и преподавал на семинаре. Так что моё знакомство с апологетикой в колледже началось с шотландского реалистического подхода.

Я значительно отклонился от темы. Да? Это просто вопрос, который, учитывая то, о чем он спрашивал, касающийся высказываний Юма, я думаю, больше относится к космологическому аргументу в пользу существования Бога. Мне показалось, что в этом небольшом диалоге со своим другом, как сказал Юм, его друг изложил свою речь и объяснил, что мы на самом деле не можем вывести существование Бога или чего-либо подобного из нашего мира.

И Юм сказал: «А почему бы и нет? Потому что, видя недостроенный дом, можно предположить, что есть разумный строитель, и он собирается довести его до конца, и все в таком духе». А его друг ответил: «Да, но причина, по которой так нельзя поступать с Богом, заключается в том, что мы имеем дело с двумя разными средами. Мы передаем наши земные знания чему-то, о чем мы ничего не знаем».

У нас нет никаких впечатлений, которые можно было бы связать с Богом. И поэтому, в этом смысле, Юм, давая ответ своего друга — принадлежащий ему или нет, я не знаю, — кажется, сказал, что нельзя сделать никаких выводов о Боге. Но ответ Юма на последний ответ этого друга был таким: хотя вас, возможно, и не превзойти, вы не можете сделать вывод о конкретных деталях таким образом, но поскольку это уникальное творение, уникальное здание или что-то еще, это то, чего мы никогда раньше не видели и чему не можем объяснить, мы можем сделать вывод, по крайней мере, об уникальном и особенном создателе.

Да, теперь вы видите, что это был бы тот вид рациональных рассуждений, который делает веру правдоподобной. Но он не оказал бы того психологического воздействия, которое естественным образом вызвало бы веру. Таким образом, объединяя эти два подхода, он переходит от рационального к психологическому.

И когда все вопросы рассматриваются, он всегда, кажется, возвращается к психологическим основам. Да. Хорошо, давайте обратимся к его этике, не так ли? И здесь следует помнить о двух главных работах: конечно же, о «Трактате о человеческой природе», его ранней работе, написанной, когда ему было около двадцати лет.

Третья книга. Кажется, я здесь говорил о третьей части, кажется, он называет её третьей книгой. Третья книга посвящена морали.

А затем, уже в зрелом возрасте, он написал более короткое произведение, больше похожее на исследование человеческого разума. Более короткое, более простое произведение, которое, как он считал, было необходимо из-за всех недоразумений, возникших вокруг предыдущей работы. «Исследование о принципах морали».

Исследование о принципах морали. Мне кажется, эти два труда в значительной степени говорят об одном и том же. Возможно, с разными акцентами, но в целом — одно и то же.

Позвольте мне начать с того, что тот же самый основной вопрос о взаимосвязи разума и чувств возникает в этике, что и в религии, и во всех других областях мышления Юма. Фактически, именно так он и вводит эту тему в своем «Исследовании о принципах морали». Основана ли мораль на разуме или на чувствах? В этом и заключается вопрос.

Чтобы понять, что он пытается сказать, необходимы два вида наблюдений. Во-первых, когда он говорит о чувстве, страсти, настроении или о том, что у нас, кажется, есть некое моральное чувство, он использует именно эту лексику, имея в виду впечатления, связанные с размышлением. Вы помните его теорию впечатлений, согласно которой все идеи на самом деле возникают как копии или образные произведения, порожденные первоначальными впечатлениями, чувственными впечатлениями.

Таким образом, эти идеи, являющиеся копиями или результатом памяти, возможно, воображения, познаются посредством размышления о наших собственных психических состояниях. Поэтому я могу косвенно размышлять о своих впечатлениях. И сами эти идеи оставляют впечатления, которые порождают дальнейшие идеи.

Вы помните эту историю? Хорошо. Итак, когда он говорит, что будет обсуждать разум или чувство, страсть, сентиментальность, моральное чувство, что речь идёт о впечатлениях от размышления, он имеет в виду именно эти впечатления.

Да, сэръ? Впечатления от идей, которые проносились в нашем сознании в связи с вещами из нашего опыта. Очевидно, что, если он собирается следовать этому пути, он собирается дать эмпирическое объяснение происхождения моральных убеждений. Моральные чувства — это впечатления от размышлений, возникающие в результате более ранних чувственных впечатлений и представлений о том, что происходит или может произойти.

Чувства могут быть спокойными, безмятежными или бурными. И он развивает это различие во второй книге «Трактата», которая полностью посвящена страстям. Страсти могут быть спокойными или бурными, так что мы испытываем спокойные чувства по отношению к красоте.

Но с другой стороны, существуют бурные чувства, бурные страсти, такие как любовь и ненависть, гордость и зависть. Бурные. Не в том смысле, что они обязательно причиняют кому-то боль, а в том смысле, что они сильны, напористы, а не спокойны и уравновешенны, как красота.

Насильственные впечатления могут быть прямой реакцией на возникающие идеи и впечатления, такие как переживание удовольствия и боли, и вы испытываете по этому поводу определенные чувства. Или же это могут быть

косвенные реакции. Косвенные реакции на опыт, смешанный с некоторыми другими чувствами, которые мы испытываем.

Чувство гордости, смешанное с переживанием того, что кто-то только что сказал о вас. И это чувство, возникающее в результате, является одним из косвенных явлений, поскольку оно смешано с чем-то еще. Таким образом, поднимая вопрос о том, основана ли мораль на разуме или на страсти, он опирается на свою теорию впечатлений .

Страсти, эмоции, чувства, ощущения — это впечатления. Впечатления. Если хотите, впечатления второго порядка.

Во-первых, это необходимо для понимания контекста. Контекста в его собственном мышлении. Во-вторых, это исторический контекст.

Исторический контекст. Потому что вопрос о том, основана ли мораль на разуме или на чувствах, был самой обсуждаемой темой в этических дискуссиях того времени. Это была действительно острая тема.

Традиция Просвещения, конечно, склонялась к утверждению, что этика основана на разуме. Джон Локк говорил, что моральное знание — это доказательное знание, подобно математике. Да, знание связано с согласием и несогласием идей.

Итак, если у вас есть представление о праве собственности, которое, по мнению Локка, является естественным правом, то это не искусственная конструкция, а естественное право, и если у вас есть представление о краже, то, просто сравнив эти два представления, вы обнаружите между ними несоответствие, и вы поймете, что кража, следовательно, является нарушением права собственности. Таким образом, моральное знание — это просто знание, основанное на отношениях идей. Демонстративное знание.

Согласно Джону Локку. Юм категорически не согласен, и не согласен он потому, что не считает, что кто-либо в так называемом естественном состоянии имеет право собственности. Видите ли, он, как и Локк, считает, что право собственности существовало до появления какого-либо гражданского общества.

Да, потому что он придерживается этики естественного права. Но Юм с этим не согласен. Он отвергает этику естественного права.

Он утверждает, что идея естественного состояния — это миф, вымысел. Она не только исторически не существует, но и не поддается осмыслению в том виде, в котором её описывает Локк, настолько она пронизана логическими противоречиями, например, в отношении понятия права собственности, когда

собственность является продуктом организованного общества, а не чем-либо ещё. Таким образом, с одной стороны, есть те, кто утверждает, что мораль основана на разуме, например, Джон Локк.

Теперь, есть еще несколько современных философов, занимающихся вопросами морального чувства, которых мы рассмотрим на следующей неделе, например, Джозеф Батлер, который утверждал, что наши моральные суждения, когда мы по совести говорим, что это неправильно, — это непосредственное осознание неправильности, но Батлер и другие представители этой традиции утверждают, что это рациональное суждение. Томас Рид, шотландский реалист, о котором я упоминал, утверждает, что мы непосредственно осознаем неправильность, и это рациональное суждение, которое мы выносим, и он доказывает это в споре с Дэвидом Юмом.

Итак, есть те, кто утверждает, что моральное знание — это рациональное знание, моральные суждения — это рациональные суждения, основа морали — в разуме и, что более важно, конечно же, в каком-то виде естественного закона. С другой стороны, есть те среди философов, изучающих моральное чувство, такие как знаменитый граф Шефтсбери, покровитель Локка, и Фрэнсис Хатчисон, также оказавший значительное влияние на раннюю американскую философию, Шефтсбери и Хатчисон, которые утверждали, что совесть, наше моральное чувство, больше похожа на эстетическое чувство, чем на математику или доказательное рассуждение. Это скорее вопрос морального вкуса, чем принятия рациональных решений.

Нельзя спорить о правильности или неправильности чего-либо так же, как нельзя спорить о том, красива ли та или иная музыкальная композиция, с человеком, у которого нет развитого музыкального вкуса. Чувство, ощущение, вкус. И в некоторых местах Юм использует слово «вкус».

Кроме того. И поэтому неудивительно, что люди, которые реагируют на этот акцент на чувствах, пытаются доказать, что эстетическое суждение — это также рациональное суждение, а не только моральное суждение. Но именно эстетическое суждение.

Таким образом, существует некая объективная истина об эстетических ценностях. Нечто объективное и об моральных ценностях. Что касается Юма, то все это субъективно.

И, как отмечают критики Юма, такие как Томас Рид, в истории происходило примерно следующее. После введения теории идей первичные качества стали субъективными. Хотя нет, я возьму свои слова обратно.

Второстепенные качества стали субъективными. Затем, в Беркли, субъективными стали не только второстепенные, но и основные качества. С учётом второстепенных качеств, субъективными стали цвет, звук и красота.

А благодаря Дэвиду Юму вера перестала быть вопросом рационального суждения и стала чем-то субъективным, вопросом чувств. И что же оставалось, кроме как сделать субъективной и моральную веру? Таким образом, это восходит к влиянию теории идей, которая субъективизировала то, что ранее считалось объективным на протяжении всей своей истории.

Шотландские реалисты утверждают, что как первичные, так и вторичные качества являются объективными. Что эстетические и моральные ценности также являются объективными. Что убеждение — это рациональная интуиция, а не просто психологическая реакция.

Таким образом, проблема довольно четко определена. И Юм пытается сформулировать свою точку зрения. Юм — человек умеренности.

Он отказывается принять идею о том, что разум является основой морали. Он отказывается принять идею о том, что только чувства или эмоции являются основой морали. Конечно, и точно так же, как и в случае с абстрактными и практическими, логическими и психологическими аспектами, он подобен мальчику, которому предложили два вида пирога: какой бы вы хотели? Немного каждого, пожалуйста.

Он хочет сочетать в себе оба подхода. Видите ли, он пытался сделать это в религии. Сможет ли он сделать это в этике? Именно это он и пытается сделать.

Хорошо. Если разум играет роль в этике для Юма, то какова эта роль? Помните, что разум для Юма может порождать два вида суждений, и только два. Суждения о взаимосвязи идей и суждения о фактах.

Итак, вопрос о роли разума сводится к тому, какими знаниями мы обладаем в отношении этики, отношений идей и фактических обстоятельств? Звучит просто. Что ж, отношения идей — да, определения моральных терминов. Определения моральных терминов.

Иными словами, если мы говорим, что справедливость — это то-то и то-то, то определение представляет собой отношение идей, и субъект и предикат в определении совпадают. Таким образом, мы можем определять моральные термины. Мы можем говорить, например, о взаимосвязи различных моральных понятий.

Например, взаимосвязь между доброжелательностью и личной выгодой. Почему? Они не совсем согласны друг с другом, не так ли? Знание связано с согласием и несогласием. Хорошо, это одна из вещей, на которую способен разум.

Второй аспект связан с фактами. Разум может описать обстоятельства, в которых нам приходится действовать, предоставить нам фактические знания о ситуациях, с которыми мы сталкиваемся, и фактическое понимание возможных последствий наших действий. Таким образом, разум вносит свой вклад в этих аспектах.

Обратите внимание на последнюю фразу, «последствия действий», потому что одной из главных связей между разумом и чувствами будет полезность. Он — доутилитаристский утилитарист. По крайней мере, если считать начало утилитаризма с Бентама и Милля.

Это цитата из работы Дэвида Юма ; они действительно понимают суть. Что же тогда разум не может сделать? Разум не может оправдать обращение к последствиям и полезности, нет. Хотя, может быть, из соображений благоразумия, он может подсказать, что это было бы разумно.

Но зачем проявлять осмотрительность? Она не может оправдать апелляции к полезности. Она не может мотивировать вас к действию. И она не может одобрить или не одобрить какое-либо действие.

Оно может просто описывать последствия. Но если разум не может одобрить или не одобрить действие, вы не можете выносить моральные суждения. Моральные суждения одобряют или не одобряют.

Таким образом, разум не может выносить моральных суждений. И поскольку реакции чувств не являются суждениями, чувства не являются истинными или ложными, а лишь утверждениями, суждения являются истинными или ложными, поскольку чувства не являются истинными или ложными, чувства не выносят моральных суждений. Моральных суждений не существует.

Видите ? Существуют моральные чувства, которые порождают утилитарные утверждения. Хорошо, а что насчет чувств? Какова роль чувств? Ну, я сказал, что общей основой является полезность. И вы можете видеть, как разум связан с полезностью.

Как же эмоции связаны с полезностью? Дело в том, что полезность — это последствия, которые приносят общее благо всем. Основано на чувстве доброжелательности. Доброжелательность — это желание, стремление и воля делать то, что полезно для других. Чувство доброжелательности.

Благотворительность — это делать добро; доброжелательность — это желать добра. Но почему мы так склонны в своих чувствах к другим? Гоббс говорил, что мы не такие, мы все подобны хищным зверям . А Юм выступает против эгоизма.

Гоббса обвиняли в радикальном эгоизме, а во времена Юма термин «гоббизм» был презрительным эпитетом, обозначающим точку зрения, которую, как мне кажется, Гоббс не разделял, а именно, что в человеке нет ни капли дружелюбия или чего-либо еще. Естественно, понимаете? Что ж, Юм с этим не согласен.

Он утверждает, что во всех людях заложена естественная доброжелательность. Естественный альтруизм. Правда, в разной степени, он не говорит, насколько именно.

Степень проявления этого явления сильно варьируется. Но определенная природная доброжелательность присутствует. Не то чтобы она была присуща природе.

Как это развивается? И он имеет дело с своего рода развивающейся моральной психологией. Понимаете, это развивается из чувства сочувствия.

Возникает из чувства сочувствия. Сочувствие, которое, как я чувствую, подразумевает либо удовольствие за вас, либо боль вместе с вами. О, я вам сочувствую, говорим мы.

Я тебе сочувствую. Понимаешь? Так что да, в боли или удовольствии, которые я испытываю, присутствует элемент личной выгоды.

Но почему я должен испытывать сочувствие? Я испытываю сочувствие, потому что разум подсказывает мне о фактическом сходстве между вами и мной, вашим опытом и моим. И помните один из принципов ассоциации? Сходство. Сходство.

Поэтому, когда между вашим опытом и моим есть сходства, сложные идеи, которые возникают в моем сознании, затрагивают нас обоих. Да. И поскольку они затрагивают нас обоих, я сочувствую не только себе, но и вам.

И в каждом человеке заложена естественная доброжелательность. Понимаете? В этом и заключается суть его позиции.

Эту теорию можно обозначить двумя способами. Это этический субъективизм, и это этический натурализм.

Теперь позвольте мне объяснить термины, которые до сих пор используются в этической теории. Этический субъективизм — это точка зрения, согласно которой объективных моральных качеств не существует. То есть, не существует объективных истин этического характера об объективных положениях дел.

Но когда я говорю, что что-то не так, или что-то хорошо, я говорю о своих собственных чувствах, своих собственных эмоциях. Поэтому в данном случае, видите ли, мы действуем из лучших побуждений. Я сочувствую вам .

И я говорю, что очень жаль, через что тебе пришлось пройти. На самом деле я говорю, что мне тяжело, когда я думаю о том, что ты переживаешь. Я не говорю, что это неправильно, что тебе приходится через это проходить.

Я говорю, что это больно для вас, и это больно для меня. Поэтому понятия «правильно» и «неправильно» связаны лишь с субъективными чувствами тех, кто это переживает и об этом говорит. Это также относится к этическому натурализму, хотя не стоит приравнивать эти два понятия.

Субъективизм — это лишь один из видов натурализма, субъективистский вид. Существуют и объективистские виды натурализма. Этический натурализм — это точка зрения, согласно которой мораль коренится в природе.

Мораль коренится в природе. И поскольку она коренится в природе нашей эмоциональной психологии, понимаете, она коренится в нашей эмоциональной психологии, Юм — этический натуралист. И он говорит о законах природы.

Теперь это не законы природы в каком-то метафизическом смысле, как у Аристотеля, или врожденные, как у платоников. Это не законы природы в том смысле, что они уже существуют, когда мы приходим в мир. Он совершенно ясно дает понять, что эти законы природы — это артефакты.

Но это законы природы в том смысле, что они возникают естественным образом в ходе естественных процессов. Это связано с особенностями нашего психологического развития во взаимодействии с другими людьми. Поэтому его этика основана на естественной психологии развития.

Природа психологического и эмоционального развития — вот что порождает этику. И он очень быстро добавляет, что этот процесс развития универсален для всех людей. Потому что так Бог создал нас.

Конечно, вопрос в том, говорит ли он о Боге с иронией или потому, что действительно в него верит. Но, по крайней мере, он говорит, что если в вашем мышлении есть теистическая основа, то это хорошо. Но непосредственная основа — это универсальность психологического процесса.

Таким образом, он не является этическим релятивистом. Законы природы он рассматривает как три. Один из них связан с собственностью, со стабильностью владения.

Один вопрос связан с передачей права по согласию. Другой — с исполнением обещаний. И, по его словам, именно так развиваются законы о правосудии.

И он даже говорит о законах народов. Какая фраза используется в теории естественного права, начиная с римлян и Фомы Аквинского? Законы народов — это законы, действующие во всех народах.

Ну, то же самое относится и к этим трём пунктам, которые он перечисляет. Потому что без гарантии владения шла бы постоянная война всех против всех. Без передачи по согласию не было бы торговли.

А без соблюдения обещаний не было бы ни союзов, ни договоров. Поэтому эти законы применяются в интересах взаимоотношений между государствами, а также между отдельными лицами.

Но эти законы природы — всего лишь утилитарные вещи. Справедливость — это утилитарное понятие. Справедливость — это просто полезность в том, чтобы дать каждому то, что ему причитается.

Что ж, вот она, этика Юма. Спасибо.